Образовательное частное учреждение
высшего образования «Московский университет им. А.С. Грибоедова»

СТЕНОГРАММА

заседания диссертационного совета 75.2.076.01
по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук при
ОЧУ ВО «Московский университет им. А.С. Грибоедова»
(ИМПЭ им. А.С. Грибоедова)
от 25 сентября 2026 года

Защита диссертации Данилиной Ольги Вячеславовны
«Поэтика межтекстового диалога в творчестве
Ф.К. Сологуба (на материале романа „Мелкий бес“)»,
представленной на соискание ученой степени кандидата
филологических наук по специальности
5.9.1. Русская литература и литературы народов
Российской Федерации (филологические науки)

Повестка дня: защита диссертации Данилиной Ольги Вячеславовны «Поэтика межтекстового диалога в творчестве Ф.К. Сологуба (на материале романа „Мелкий бес“)», представленной на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки).

Научный руководитель:

Кихней Любовь Геннадьевна, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой истории журналистики и литературы Международного института журналистики, телевидения и медиакоммуникаций ОЧУ ВО «Московский университет имени А.С. Грибоедова».

Официальные оппоненты:

доктор филологических наук (10.01.01.), доцент **Осипова Ольга Ивановна,** доцент кафедры русского языка и литературы Восточного института (школы) Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Дальневосточный федеральный университет» (г. Владивосток).

кандидат филологических наук (10.01.01.) **Ламзина Анна Владиславовна,** доцент департамента иностранных языков Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Московский физико-технический институт (национальный исследовательский университет)».

Ведущая организация:

федеральное государственное бюджетное учреждение науки ***«Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук»***. (г. Новосибирск).

Председательствующий:

Ларина Надежда Альбертовна, доктор филологических наук, доцент, заместитель председателя диссертационного совета 75.2.076.01.

Ученый секретарь:

Царегородцева Светлана Сергеевна, кандидат филологических наук, доцент.

На защите присутствовали следующие члены диссертационного совета:

Фамилия, имя, отчество	Ученая степень, шифр

	специальности в совете
Кихней Любовь Геннадьевна	доктор филологических наук, 5.9.1.
Ларина Надежда Альбертовна	доктор филологических наук, 5.9.1.
Царегородцева Светлана Сергеевна	кандидат филологических наук, 5.9.1.
Бокарев Алексей Сергеевич	доктор филологических наук, 5.9.1.
Дубова Марина Анатольевна	доктор филологических наук, 5.9.1.
Дударева Марианна Андреевна	доктор филологических наук, 5.9.1.
Пинаев Сергей Михайлович	доктор филологических наук, 5.9.1.
Темиршина Олеся Равильевна	доктор филологических наук, 5.9.1.
Устиновская Алена Александровна	доктор филологических наук, 5.9.1.
Шуйская Юлия Викторовна	доктор филологических наук, 5.9.1.

Отсутствовали:

Фамилия, имя, отчество	Ученая степень, шифр специальности в совете
Гавриков Виталий Александрович	доктор филологических наук, 5.9.1.
Шпилевая Галина Александровна	доктор филологических наук, 5.9.1.

Ларина Н.А.: Уважаемые члены диссертационного совета, коллеги, гости,

начинаем публичную защиту кандидатской диссертации **Данилиной Ольги Вячеславовны «Поэтика межтекстового диалога в творчестве Ф.К. Сологуба (на материале романа „Мелкий бес“)»,** представленной на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации.

Работа выполнена на кафедре истории журналистики и литературы, факультета журналистики (с 01 сентября переименованного в Международный институт журналистики, телевидения и медиакоммуникаций), образовательного частного учреждения высшего образования «Московский университет имени А.С. Грибоедова» под научным руководством доктора филологических наук, профессора, Кихней Любови Геннадьевны.

Официальные оппоненты:

- доктор филологических наук (10.01.01.), доцент **Осипова Ольга Ивановна,** доцент кафедры русского языка и литературы Восточного института (школы) Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Дальневосточный федеральный университет» (г. Владивосток).

- кандидат филологических наук (10.01.01.) **Ламзина Анна Владиславовна,** доцент департамента иностранных языков Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Московский физико-технический институт (национальный исследовательский университет)».

Ведущая организация:

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки ***«Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук»***. (г. Новосибирск).

Для того чтобы определить, есть ли кворум, прошу членов диссертационного совета поставить свои подписи в явочном листе.

Все встают подходят и перед камерой расписываются в явочном листе. Ученый секретарь считает подписи и сообщает результаты председателю диссовета.

Ларина Н.А.: Уважаемые члены диссертационного совета! На заседании присутствуют 10 членов диссертационного совета из 12-ти, из которых 9 – докторов филологических наук, по специальности, соответствующей профилю диссертации соискателя. Кворум есть, и мы можем начинать заседание.

Слово для информации о соискателе и документах, поступивших в совет, предоставляется ученому секретарю диссертационного совета Царегородцевой Светлане Сергеевне.

Царегородцева С.С.: соискатель **Данилина Ольга Вячеславовна** 07.10.1967 года рождения, в 1991 году окончила Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова по специальности «Русский язык и литература».

О.В. Данилина была прикреплена в качестве соискателя к кафедре истории журналистики и литературы ОЧУ ВО «Московский университет имени А.С. Грибоедова» с 01 сентября 2023 по 30 августа 2026 г. В 2024-м году она сдала кандидатские экзамены на оценку отлично.

В период подготовки диссертации О.В. Данилина работала старшим преподавателем на кафедре русского языка в Институте русского языка и культуры ФГБОУ ВО «Московский университет имени М.В. Ломоносова» (с сентября 2020 по август 2025); с сентября 2025 по н/в работает на филологическом факультете в университете МГУ-ППИ (Шэньчжэнь, КНР) в должности старшего преподавателя.

В личном деле **Данилиной Ольги Вячеславовны** имеются:

– диплом о высшем образовании (с приложением);

– список научных трудов (по теме исследования автором опубликовано: 6 научных работ, в том числе 3 статьи в ведущих рецензируемых научных журналах из перечня ВАК, *отнесенных к категориям К2*;

– заключение Московского университета имени А.С. Грибоедова» (кафедра истории журналистики и литературы) с рекомендацией к защите;

– отзыв научного руководителя, доктора филологических наук, профессора Кихней Любови Геннадьевны;

– заключение экспертной комиссии диссертационного совета, подписанное докторами филологических наук Темиршиной Олесей Равильевной, Пинаевым Сергеем Михайловичем Дубовой Мариной Анатольевной.

– заключение об оригинальности работы;

– согласия оппонентов и сведения о них,

– справка из научной библиотеки Московского университета имени А.С. Грибоедова.

– автореферат;

– реестр обязательной и дополнительной рассылки авторефератов, с почтовыми квитанциями;

– другие необходимые документы (справка о кандидатских экзаменах, выписка об утверждении темы и справка о соискательстве и пр.).

В диссертационный совет также поступили отзывы официальных оппонентов, отзыв ведущей организации, отзывы на автореферат.

Все представленные документы и материалы предварительной экспертизы соответствуют требованиям Положения о присуждении ученых степеней, утвержденного Постановлением Правительства Российской Федерации № 842 от 24.09.2013 г. (в текущей редакции), предъявляемым к кандидатским диссертациям.

Все необходимые материалы личного дела своевременно размещены на сайтах ИМПЭ им. А.С. Грибоедова и ВАК РФ.

Ларина Н.А.: Есть ли вопросы к ученому секретарю? Вопросов нет. Слово для изложения основных положений диссертации предоставляется диссертанту Данилиной Ольге Вячеславовне. У Вас 12-15 минут.

Данилина О.В.: Уважаемый председатель, уважаемые члены диссертационного совета, все присутствующие, позвольте представить Вам диссертационную работу на тему «Поэтика межтекстового диалога в творчестве Ф.К. Сологуба (на материале романа „Мелкий бес“)».

В проведенном исследовании роман Ф.К. Сологуба «Мелкий бес» рассматривается не как сумма разрозненных аллюзий, а как многоуровневая система межтекстового диалога, в которой взаимодействуют автоинтертекст, русская классическая традиция, западноевропейские претексты, символистская демонология, интермедиальные коды и скрытые формы «чужого слова». Такой ракурс позволяет перевести анализ романа из плоскости отдельных источников влияния в плоскость поэтики и смыслопорождения. Роман представляет собой ценный материал для изучения интертекстуальности и интермедиальности.

Актуальность исследования определяется несколькими обстоятельствами. Во-первых, устойчивым интересом современной филологии к интертекстуальности как одной из ключевых категорий поэтики. Во-вторых, особым местом «Мелкого беса» в истории русского модернизма. В-третьих, сохраняющейся в сологубоведении лакуной между частными наблюдениями и целостной моделью межтекстового диалога романа. Наконец, расширением методологических возможностей филологии, включая корпусные и цифровые процедуры верификации интертекстуальных гипотез.

Цель диссертационного исследования заключается в выявлении и описании продуктивных механизмов межтекстового диалога в «Мелком бесе» как целостной смыслообразующей системы, показе их роли в построении символистской картины мира романа и уточнении места произведения в русской

и европейской литературных традициях рубежа XIX–XX веков.

Для достижения цели поставлены следующие **задачи:**

1) уточнить теоретический объем понятий «межтекстовый диалог», «интертекст», «автоинтертекст», «интермедиальность» и «мезотекст» применительно к прозе Серебряного века;

2) реконструировать историю изучения «Мелкого беса» в русской и зарубежной науке и определить нерешенные вопросы;

3) установить корпус автоинтертекстуальных связей романа с поэзией, публицистикой, рассказами и романной прозой Сологуба;

4) выявить эксплицитные и имплицитные связи текста с отечественной классической литературой, скрытые интертекстуальные связи;

5) определить модель диалога романа с западноевропейской литературой и культурой;

6) описать функции интермедиальных кодов в романе и их связь с символистской мифопоэтикой;

7) проверить часть интертекстуальных гипотез с помощью корпусных и цифровых процедур поиска повторов, лексических аттракторов и параллельных контекстов;

8) показать, как межтекстовый диалог организует образ Передонова, мотив недотыкомки, фабулу безумия и общую аксиологию романа.

Для реализации задач, достижения цели и проверки гипотезы в качестве **объекта исследования** выбран художественный мир романа Ф.К. Сологуба «Мелкий бес» в аспекте его межтекстовой организации. **Предметом исследования** выступает поэтика межтекстового диалога в романе «Мелкий бес».

Мы **предполагаем**, что межтекстовый диалог в романе Сологуба носит не факультативный, а структурообразующий характер: он определяет сюжетно-мотивную организацию текста, систему образов и специфику символистской картины мира.

Источниковую базу составляют текст «Мелкого беса» в основных изданиях, поэтические, прозаические и публицистические тексты Ф.К. Сологуба, русские и зарубежные литературные претексты, критические отклики современников, а также словари, корпусные и справочные ресурсы.

Научная новизна исследования определяется тем, что роман «Мелкий бес» рассматривается как единая многоуровневая система межтекстового диалога, а не как набор частных заимствований; уточняется роль автоинтертекста как структурообразующего принципа; последовательно вводится связь интертекста с интермедиальностью и символистской

демонологией; предлагается более строгая типология межтекстовых связей — от эксплицитной цитаты до скрытого мезотекстового слоя; намечается модель соединения классического филологического анализа с корпусной верификацией интертекстуальных гипотез.

Впервые «Мелкий бес» представлен не только как узел известных реминисценций, но и как текст, в котором выявляются дополнительные, зашифрованные и скрытые автором связи, функционирующие через ономастический код и устойчивые мотивные комплексы.

Теоретическая значимость исследования состоит в уточнении понятийного аппарата описания межтекстовых процессов применительно к русской прозе Серебряного века. Работа демонстрирует продуктивность разграничения автоинтертекста, интермедиальности, криптотекстовых форм и мезотекстуальных включений, а также показывает, что анализ символистского романа требует одновременного учета историко-литературной конкретности, мотивно-образной динамики и читательской стратегии распознавания культурных кодов. Тем самым диссертация вносит вклад не только в сологубоведение, но и в исследования интертекстуальности, поэтики модернизма и литературы рубежа веков.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Роман Ф.К. Сологуба «Мелкий бес» организован как полисистемный межтекстовый конструкт, в котором разные типы связей не периферийны, а композиционно и семантически необходимы.

2. Автоинтертекст в романе выполняет герменевтическую функцию ключа, который формирует гипертекстуальные коннотации романного мира Ф.К. Сологуба и показывает генезис рождения его магистральных мотивов и образов через эпиграф, поэтические самоотсылки, переклички с прозой Сологуба и его публицистикой.

3. Отечественные претексты в романе образуют не простой «фон влияний», а систему смысловых фильтров, через которые кристаллизуются основные миромоделирующие координаты романа. Роман «Мелкий бес» становится точкой бифуркации сквозных мотивов корпуса русской прозы — кластеров маленького человека, женитьбы, карточной игры и гадания, погружения в безумие, маскарада как карнавального пространства.

4. Зарубежные интертексты вводят роман в западноевропейское культурное пространство: интермедиальные коды романа связаны с символистским стремлением превратить текст в узел культурных отсылок, которые не только отражают литературную традицию, но и генерируют

обращение к архетипам, апробированным в художественном мире «Мелкого беса».

5. Скрытые, криптотекстовые формы отсылки в «Мелком бесе» не сводимы к случайной эрудиции автора, а обладают системной интертекстуальной функцией, выполняя роль фактора фокусирования основных нарративов романа.

Комплексная методология, примененная к достаточно широкой эмпирической базе, позволила решить поставленные в исследовании задачи и сделать ряд научно обоснованных выводов, имеющих высокую **степень достоверности**. Последняя также подтверждается апробацией основных положений и выводов исследования.

Говоря о **структуре диссертации**, следует отметить, что работа включает введение, три главы, заключение, список литературы и приложения.

Первая глава посвящена теоретическому осмыслению «своего» и «чужого» слова и специфике межтекстового диалога в Серебряном веке. Во второй главе анализируется автоинтертекст романа — его связи с поэзией, публицистикой, рассказами и романной прозой Сологуба. Третья глава рассматривает диалог «Мелкого беса» с отечественной и зарубежной литературной традицией. Такая композиция позволяет двигаться от теории к частным механизмам и далее — к широкому культурному контексту, в котором роман раскрывается как один из ключевых текстов русского модернизма.

В целом, проведенное диссертационное исследование позволило прийти к следующим **выводам:**

Роман Ф.К. Сологуба «Мелкий бес» предстает как целостная, многоуровневая система межтекстового диалога, в которой взаимодействуют автоинтертекст, отечественная классическая традиция, западноевропейские претексты, интермедиальные коды, символистская демонология и скрытые формы «чужого слова». Это дает возможность перейти от описания отдельных заимствований к анализу самой поэтики смыслообразования, где межтекстовые связи выступают одним из основополагающих механизмов художественной организации произведения.

Автоинтертекст в «Мелком бесе» выполняет не вспомогательную, а структурообразующую и герменевтическую функцию; что русские и зарубежные претексты работают как система смысловых фильтров, через которые моделируются мотивы безумия, демонизма, выгодной женитьбы, карточной игры, маскарада и распада личности; что скрытые формы отсылок обладают системной функцией и не могут быть интерпретированы как случайная эрудиция автора. Тем самым уточняется место романа в истории русского

модернизма: «Мелкий бес» предстает не только как социально-психологический и сатирический роман, но и как один из ключевых символистских текстов, внутренним законом которого становится напряженное взаимодействие «своего» и «чужого» слова.

Принципиально важным результатом работы стало уточнение теоретического статуса межтекстового диалога применительно к прозе Серебряного века. В первой главе показано, что для понимания художественной логики «Мелкого беса» недостаточно ограничиться узким пониманием интертекстуальности как совокупности цитат, реминисценций и аллюзий. Более продуктивным оказалось рассмотрение широкого спектра форм включения «чужого слова» — от подражания и стилизации до парафраза, реминисценции, аллюзии, криптотекста и мезотекста. Это позволило, с одной стороны, вписать роман Сологуба в широкий историко-литературный контекст, а с другой — выявить специфику символистской прозы, в которой точная бытовая деталь и многозначный символ существуют не раздельно, а в постоянном взаимодействии. Тем самым была подтверждена исходная гипотеза о том, что межтекстовый диалог в «Мелком бесе» реализуется как полисистемный художественный принцип.

Существенным итогом исследования стало и то, что роман был осмыслен в связи с поэтикой Серебряного века как эпохи интенсивного культурного самоосмысления. В диссертации показано, что символизм и акмеизм, несмотря на декларативную полемику, сходились в признании продуктивности творческого освоения мировой культуры, а сама литература рубежа веков вырабатывала особую установку на цитатность, полемичность, интермедиальность и множественность смысловых перспектив.

В этом контексте «Мелкий бес» предстает как один из наиболее показательных текстов эпохи: он соединяет скрупулезно точное изображение провинциального быта с постоянным раскрытием дополнительных смысловых горизонтов, возникающих благодаря работе с культурной памятью. Следовательно, роман должен быть прочитан не только как социально-психологическое или сатирическое произведение, но и как сложный символистский текст, интегрирующий обширное поле литературных отсылок.

К числу основных оригинальных научных результатов и вкладов диссертационного исследования относятся следующие результаты:

1. Роман «Мелкий бес» последовательно описан как единая многоуровневая система межтекстового диалога, а не как совокупность частных аллюзий и разрозненных заимствований.

2. Уточнена роль автоинтертекста как одного из центральных

механизмов смыслообразования в романе, прежде всего, через эпиграф, поэтические самоотсылки, публицистический слой и переклички с «Тяжелыми снами» и малой прозой Сологуба.

3. Предложено более дифференцированное рассмотрение типов межтекстовых связей – от прямой цитаты и аллюзии до скрытого мезотекстового слоя и мотивной гомологии.

4. Выявлено, что русские и зарубежные претексты функционируют в романе как система смысловых фильтров, через которые моделируются мотивы безумия, демонизма, выгодной женитьбы, карточной игры и маскарада.

5. Показана связь интертекста с интермедиальностью и символистской демонологией, что позволяет точнее описать специфику именно символистской прозы, а не только интертекстуальности как таковой.

6. Намечена продуктивная модель сочетания классического филологического анализа с элементами корпусной и цифровой верификации интертекстуальных наблюдений.

Таким образом, гипотеза доказана. Спасибо за внимание. Буду рада ответить на ваши вопросы.

Ларина Н.А.: Благодарю Вас, Ольга Вячеславовна. Кто желает в задать вопросы соискателю? Пожалуйста, Олеся Равильевна:

Темиршина О.Р.: Почему в качестве центрального понятия диссертации выбрано именно «межтекстовый диалог», а не более привычная категория «интертекстуальности»?

Данилина О.В.: Спасибо за вопрос, он важен для меня. Интертекстуальность обозначает общий принцип присутствия чужих текстов в произведении, тогда как «межтекстовый диалог» позволяет описать их активное функциональное взаимодействие, семантическую трансформацию и участие в построении целого. Для нашей работы это более точное, операционное понятие. Например, связь Передонова с Германном не сводится к карточному мотиву: пушкинская модель переосмысляется через инспекторское место, образ княгини и нарастающее безумие героя.

Ларина Н.А..: Вы удовлетворены ответом, Олеся Равильевна?

Темиршина О.Р.: Да.

Ларина Н.А..: У кого еще есть вопросы? Юлия Викторовна, прошу Вас.

Шуйская Ю.В.: Вы не могли бы прояснить, в чем принципиальное отличие мезотекста от криптотекста? Не возникает ли здесь терминологического дублирования?

Данилина О.В.: Благодарю за вопрос. Полного дублирования здесь нет: понятия описывают разные стороны одного явления. Криптотекстовость

характеризует способ организации связи — намеренное затемнение источника, рассчитанное на расшифровку. Мезотекст — реконструируемый «второй слой», скрытый за поверхностным чтением и влияющий на смысл произведения.

Так, например… неподписанный эпиграф к «Мелкому бесу» криптотекстуален по способу предъявления, а восстанавливаемое за ним стихотворение Сологуба образует мезотекстовый слой и становится ключом к бесовской образности романа. Иными словами, первое понятие отвечает на вопрос «как скрыто?», второе — «какой смысловой слой возникает?

Ларина Н.А..: Вы удовлетворены ответом, Юлия Викторовна?

Шуйская Ю. В.: Да, вполне.

Ларина Н.А.**:** Спасибо. У кого еще есть вопросы? Пожалуйста, Алена Александровна.

Устиновская А.А.: Скажите, Ольга Вячеславовна, какова роль Передонова в организации интертекстуального пространства романа: он является объектом множества литературных проекций или сам становится механизмом их соединения?

Данилина О.В. Спасибо Вам за такой интересный вопрос… Передонов одновременно является объектом литературных проекций и механизмом их соединения, причем вторая функция для нас принципиальнее. Он не сумма прототипов, а точка интерференции культурных моделей…

Причем параллели с Германном и Башмачкиным выявляют одержимость единственной целью — инспекторским местом; сопоставление с Макбетом акцентирует жажду власти и переход к насилию; чеховский Беликов помогает раскрыть тип учителя, живущего страхом и запретами. Пересекаясь в сюжетной траектории героя, эти модели объясняют его движение от социальной амбиции к безумию и убийству.

Ларина Н.А.: Вы удовлетворены ответом, Алена Александровна?

Устиновская А.А.: Да, удовлетворена.

Ларина Н.А.: Есть ли еще вопросы? Тогда я задам тоже. Скажите, пожалуйста, Ольга Вячеславовна, можно ли говорить об иерархии межтекстов «Мелкого беса»? Есть ли среди них системообразующие и периферийные?

Данилина О.В.. Да, об иерархии говорить можно, но она имеет не формальный, а функциональный характер. Системообразующими являются связи, организующие рамку романа, сквозные мотивы, образ Передонова и аксиологию произведения; например, автоинтертекстуальный комплекс, заданный неподписанным эпиграфом и связанный с недотыкомкой. Другие отсылки выполняют более локальную функцию, уточняя отдельную сцену или характеристику. Однако степень эксплицитности не определяет значимость: явная цитата может остаться эпизодической, а скрытый мотивный или мезотекстовый комплекс — воздействовать на композицию всего романа. Поэтому место связи в иерархии определяется ее охватом, повторяемостью и структурной функцией. Спасибо за вопрос: он очень интересен.

Ларина Н.А.: Есть ли еще вопросы к соискателю? Если вопросов нет, то слово для отзыва предоставляется научному руководителю предоставляется, Кихней Любови Геннадьевне. Хотя в личном деле есть ее отзыв. Но, возможно, Любовь Геннадьевна его сама огласит.

Кихней Л.Г. выступает.

(Отзыв научного руководителя прилагается).

Ларина Н.А.: Спасибо, Любовь Геннадьевна.

Продолжаем работу.

Слово для оглашения заключения ведущей организации и отзывов на автореферат, поступивших в диссертационный совет предоставляется ученому секретарю совета – Царегородцевой Светлане Сергеевне.

Царегородцева С.С: Уважаемые коллеги, прошу набраться терпения, по регламенту отзыв ведущей организации зачитывается целиком. Зачитывает отзыв. В финале говорит:

Отзыв составлен и подписан доктором филологических наук (10.01.01), доцентом, ведущим научным сотрудником, заведующим сектором литературоведения Института филологии Сибирского отделения РАН **Куликовой Еленой Юрьевной, и утвержденный** директором ФГБУН «Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук», доктором филологических наук, профессором, членом-корреспондентом РАН **Силантьевым Игорем Витальевичем.**

(Отзыв прилагается).

Также в диссертационный совет поступили отзывы на автореферат. Все они вывешены на университетском сайте и сайте ВАК, есть предложение полностью их не зачитывать, а вычленить в них самое существенное. Нет возражений?

Первый отзыв от гражданки РФ, доктора филологических наук (10.01.01), **Кругловой Татьяны Сергеевны**, директора Института гуманитарного образования и тестирования (г. Москва). Отзыв положительный, замечаний нет.

Второй отзыв - от гражданина РФ, кандидата филологических наук (5.9.1.) **Кричевского Григория Александровича**, профессора Школы коммуникаций факультета креативных индустрий ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет "Высшая школа экономики"». Отзыв положительный, но содержит одно замечание:

«Отдельные формулировки автореферата представляются излишне категоричными. В частности, определения «Мелкого беса» как «последнего произведения классической русской литературы» и Передонова как «первого героя отечественной литературы», реализующего обозначенную модель выгодной женитьбы, целесообразнее было бы представить как исследовательские гипотезы или несколько смягчить». Автор отзыва, однако, отмечает, что подобное уточнение, носит «частный редакционно-терминологический характер и не влияет на общую высокую оценку диссертационного исследования».

Третий отзыв - от гражданки РФ, кандидата филологических наук (5.9.1.) **Шерчаловой Екатерины Вадимовны**, начальника Отдела пресс-службы государственного казенного учреждения «Московская безопасность». Отзыв положительный и содержит вопрос:

«Можно ли считать сам переход сквозного мотива из одного жанрового и речевого режима в другой — например, из лирики или публицистики в роман — самостоятельным механизмом автоинтертекстуального смыслообразования? Иными словами, в какой мере изменение жанровой природы текста обусловливает изменение семантики повторяющегося мотива?»

Итак, все отзывы на автореферат положительные. Во всех отзывах отмечена актуальность и новизна исследования, а также личный вклад диссертанта в разработку темы.

Обзор отзывов завершён, спасибо.

Ларина Н.А.: Спасибо, Светлана Сергеевна. Есть вопросы к ученому секретарю? Нет. Слово для ответа на замечания и вопросы, содержащиеся в отзыве ведущей организации и в отзывах на автореферат, предоставляется диссертанту.

Данилина О.В.: Я сердечно благодарю ведущую организацию за отзыв, и лично составителя отзыва доктора филологических наук, заведующего сектором

литературоведения Сибирского отделения РАН **Елену Юрьевну Куликову**. Постараюсь ответить на вопросы и замечания, содержащиеся в отзыве.

1. Первый вопрос таков: *Какие признаки необходимы и достаточны для признания скрытой мотивной параллели фактом межтекстового диалога?*

Благодарю за этот вопрос. Я полагаю, что единичного мотивного совпадения для признания интертекстуальной связи недостаточно. Необходима **конвергенция нескольких независимых признаков**: специфичность и множественность текстуальных совпадений, историческая возможность знакомства автора с предполагаемым претекстом, повторяемость соответствующего мотивно-образного комплекса и, главное, его смысловая функция в новом произведении.

Для генетически понимаемой интертекстуальной связи особенно существенным является подтверждаемое или, по крайней мере, исторически достоверное знакомство автора с источником. В диссертации именно этот принцип рассматривается как важнейший критерий разграничения заимствования и случайного совпадения.

Если же мы наблюдаем только сходство мотивной или сюжетной модели без возможности установить генетическую связь, я предпочитаю говорить о **мотивной или семиотической гомологии**, а не о доказанном интертексте.

2. Второй вопрос ведущей организации таков:

Можно ли дополнить модель шкалой вероятности или системой верифицирующих критериев?

Да, мне представляется продуктивным дополнить предложенную модель **качественной шкалой доказательности**, не переводя её, разумеется, в условные математические проценты.

Можно выделить четыре уровня:

1. **Доказанная генетическая связь** — эксплицитная цитата, эпиграф, прямая авторская отсылка либо документированное знакомство с претекстом в сочетании с текстуальными совпадениями.
2. **Высоковероятная скрытая интертекстуальная связь** — отсутствие прямого указания на источник компенсируется совокупностью специфических мотивных, образных или лексических совпадений, возможностью знакомства автора с претекстом и функциональной переработкой исходной модели.
3. **Типологическая или семиотическая гомология** — сходство объясняется общей культурной, архетипической или жанровой матрицей и не предполагает обязательного заимствования.

4. **Исследовательская гипотеза** — интерпретационно продуктивное сопоставление, для которого пока недостаточно данных, чтобы говорить о генетической или намеренной связи.

Подобная шкала фактически уже (имплицитно) действует в нашей диссертации: например, взаимодействие с «Гамлетом» квалифицируется как эксплицитное, связи с Лонгом, Золя и Гофманом реконструируются по комплексу мотивов, а в случае Томаса и Генриха Маннов мы специально оговариваем, что здесь речь идет о **гомологии мотивов**.

При этом в заключении мы прямо признаемся, что часть скрытых и криптотекстовых связей остается вероятностной и нуждается в дальнейшей проверке.

3. Третий критический вопрос представляется мне особенно значимым и интересным:

Как явный и скрытый интертекст зависят от компетенции исторического, современного и профессионального читателя?

С замечанием о необходимости учитывать читательскую компетенцию я согласна. Понятия «явный» и особенно «скрытый» интертекст в определённой степени **реляционны**: степень явленности одной и той же отсылки меняется в зависимости от культурной памяти читателя.

Читатель начала XX века обладал живой компетенцией своей эпохи: для него могли быть непосредственно узнаваемы литературные, публицистические или бытовые контексты, которые современный читатель уже утратил. Вместе с тем даже современник не обязательно распознавал закрытые автоинтертекстуальные связи. Например, неподписанный эпиграф из собственного стихотворения Сологуба мог быть идентифицирован только читателем, хорошо знавшим его поэзию. В диссертации подобные случаи специально оговариваются.

Современный читатель в ряде случаев теряет непосредственную культурную компетенцию эпохи, но приобретает другие возможности — академический комментарий, корпусные ресурсы и реконструированную историю текста. Профессиональный филолог занимает особую позицию: он не просто распознает отсылку, а **реконструирует условия её возникновения и функционирования**.

Поэтому я бы уточнила понятие криптотекстового слоя следующим образом: скрытость является характеристикой не только самого текста, но и **отношения между текстом и читательской компетенцией**. Однако от степени распознавания следует отличать объективную структурную функцию связи в

произведении: она может участвовать в смыслообразовании и тогда, когда конкретный читатель её не дешифровал.

В работе уже отмечено, что межтекстовый диалог предполагает активного, «вчитывающегося» читателя, способного распознавать культурные коды. И одновременно сама диссертация признает рецептивный аспект одним из направлений, требующих дальнейшей разработки.

Я еще раз благодарю ведущую организацию за положительный отзыв и интересные вопросы.

Я благодарю исследователей, отозвавшихся отзывом на автореферат, и попробую дать ответы на замечания и вопросы, содержащиеся в их отзывах.

У **Григория Александровича Кричевского**, было замечание, что определения «Мелкого беса» как «последнего произведения классической русской литературы» и Передонова как «первого героя отечественной литературы», реализующего обозначенную модель выгодной женитьбы, излишне категоричны.

Благодарю за замечание. Согласна, что данные формулировки в автореферате получились излишне категоричными и требуют уточнения. Называя «Мелкого беса» «последним произведением классической русской литературы», я имела в виду не строгую историко-литературную периодизацию, а **пограничное положение романа**, который, с одной стороны, активно наследует и перерабатывает мотивные и жанровые модели русской классики XIX века, а с другой — преобразует их уже в рамках символистской поэтики. Поэтому точнее было бы говорить о «Мелком бесе» как об одном из произведений, завершающих и одновременно переосмысляющих классическую традицию в литературе рубежа XIX–XX веков.

Аналогичным образом характеристика Передонова как «первого героя отечественной литературы», который реализует модель выгодной женитьбы, не предполагала утверждения абсолютного исторического первенства. Речь шла о **финальной позиции героя в рассмотренной в диссертации типологической цепочке**: Подколесин не женится, брак Кречинского срывается, свадьба Бальзаминова остается за пределами сценического действия, тогда как в «Мелком бесе» показаны и сама женитьба Передонова, и жизнь героя после брака. Поэтому корректнее говорить не о «первом герое русской литературы вообще», а о том, что Сологуб **доводит рассматриваемый мотив до новой сюжетной стадии**.

Таким образом, замечание я принимаю прежде всего как предложение уточнить формулировки; сами же выявленные в работе типологические связи и их функции, как мне представляется, сохраняют свою значимость.

У **Екатерины Вадимовны Шерчаловой**, был такой вопрос: Можно ли считать сам переход сквозного мотива из одного жанрового и речевого режима в другой — например, из лирики или публицистики в роман — самостоятельным механизмом автоинтертекстуального смыслообразования?

Благодарю за вопрос. Да, на мой взгляд, переход сквозного мотива из одного жанрового и речевого режима в другой можно рассматривать как **самостоятельный механизм автоинтертекстуального смыслообразования**, точнее — как механизм жанровой перекодировки авторского мотива.

При таком переходе сохраняется некоторое семантическое ядро мотива, благодаря которому читатель распознаёт его принадлежность единому художественному миру автора, однако меняются способы его развертывания и функции.

Так, публицистические размышления Сологуба о зависти, школьной дисциплине и телесных наказаниях в «Мелком бесе» перестают быть прямым авторским высказыванием и преобразуются в поступки персонажей, бытовые эпизоды и сюжетно-мотивную организацию романа.

Мотивы безумия, оборотничества и жертвенного убийства, уже присутствующие в ранней прозе, в романной структуре получают значительно большую степень концентрации и становятся элементами характеристики Передонова и всей модели искажённого мира.

Аналогичным образом поэтические образы — например, недотыкомка — при переходе из лирики в роман не просто цитируются. В стихотворении образ обладает относительной смысловой автономией, а в романе становится частью персонажного сознания Передонова, фабулы его нарастающего безумия и символистской демонологии произведения. Именно поэтому автоинтертекст у Сологуба следует понимать не как самоповтор, а как **динамическое семантическое преобразование собственного слова**.

Ларина Н.А.: Спасибо, Ольга Вячеславовна.

Теперь переходим к следующей важнейшей стадии защиты. Я предоставляю слово официальному оппоненту ***Ольге Ивановне Осиповой (все регалии я уже сообщила)***. Ольга Ивановна, покажите паспорт, пожалуйста. Спасибо.

Осипова О.И.: оглашает отзыв.

(Отзыв прилагается).

Ларина Н.А.: Спасибо, Ольга Ивановна, за Ваш глубокий отзыв и участие в нашем заседании. Ольга Вячеславовна, ответьте, пожалуйста, на замечания и

вопросы официального оппонента.

Данилина О.В.: Я сердечно благодарю **Ольгу Ивановну Осипову** за ее отзыв и **интересные и дискуссионные вопросы.**

1. Первый вопрос связан с применением инструментов НКРЯ.

В моем исследовании НКРЯ использовался преимущественно **как инструмент точечной лексической верификации**, а не для полноценного статистического анализа коллокаций. Проверялись редкость и хронология употребления отдельных лексем, их распределение в текстах XIX–XX веков и параллельные контексты. В частности, таким образом анализировались слова «тиковый», «недотыкомка», редкая форма имени «Геничка». Статистически значимые коллокации специально не рассчитывались, поэтому корпусный анализ в работе действительно носит вспомогательный характер и дополняет традиционное близкое чтение.

2. Второй вопрос касается рецептивной реальности и авторском намерении.

Я не исхожу из того, что все выявленные связи были одинаково доступны читателю начала XX века или непременно сознательно зашифрованы Сологубом. В диссертации предлагается **градуированная шкала интертекстуальности**: от явно намеренной цитаты или эпиграфа до связей, возникающих благодаря культурной памяти, авторской начитанности и семиотической гомологии.

Поэтому мезотекст не предполагает обязательного полного «дешифрования» современником. Часть кодов была доступна подготовленному читателю — например, неподписанный автоэпиграф мог быть распознан только хорошо знавшим поэзию Сологуба читателем. Ранняя критика действительно улавливала прежде всего более крупные смысловые уровни романа — его сатирическую, психологическую и символистско-демонологическую природу. Поэтому речь идет, на мой взгляд, не о приписывании Сологубу постмодернистской игры, а о свойственной символизму **поливалентности текста**, смысловой потенциал которого может превосходить возможности его первоначальной рецепции.

3. Третье замечание касается проблемы проницаемости уровней интертекста.

С этим замечанием я согласна. Предложенная классификация имеет прежде всего **аналитический, а не жестко иерархический характер**. В реальном художественном тексте уровни взаимодействуют и могут накладываться друг на друга.

Например, образ недотыкомки одновременно связан с собственным

стихотворением Сологуба «Недотыкомка серая», то есть относится к автоинтертексту, с символистской демонологией и мотивом «демонов пыли», а само слово имеет более широкий фольклорно-языковой фон. Поэтому в диссертации уровни разграничиваются по **доминирующему механизму смыслообразования**, но не рассматриваются как изолированные друг от друга.

4. Четвертый критический вопрос особенно интересен: он связан с проблемой «отрицательного интертекста»

Да, такой тип взаимодействия с традицией в «Мелком бесе» присутствует. Хотя специальный термин «отрицательный интертекст» в работе не использовался, анализируются случаи, когда претекст не наследуется, а **деформируется, снижается, пародируется или семантически переворачивается**. В диссертации эта стратегия определяется, в частности, как **криптопародийная «пересборка» мотивов**.

Так, связи с Эдгаром По строятся не только на сходстве, но и на принципах искажения и переворачивания исходной модели. Подобным образом Сологуб взаимодействует и с реалистической традицией: он сохраняет точность бытовой детали, но перестраивает ее функцию, превращая реалистически узнаваемый мир в пространство символистской фантастики и демонизации. Поэтому межтекстовый диалог в романе включает не только преемственность, но и **полемическое преобразование традиции**. .

Я еще раз благодарю уважаемую Ольгу Ивановну за уделенное время, ее глубокий отзыв и вопросы, провоцирующие меня на дальнейшие размышления над диссертационной темой.

Ларина Н.А.: Ольга Ивановна, Вы удовлетворены ответами?

Осипова О.И.: Да, убедительно.

Ларина Н.А.: Ольга Вячеславовна. Можете присесть.

Слово предоставляется официальному оппоненту ***Анне Владиславовне Ламзиной*** (я озвучивала Ваши регалии, с Вашего позволения, повторять не буду).

Ламзина А.В. читает отзыв.

(Отзыв прилагается).

Ларина Н.А.: Спасибо, Анна Владиславовна за Ваш обстоятельный и интересный отзыв. Ольга Вячеславовна, ответьте, пожалуйста, на вопросы и замечания официального оппонента.

Данилина О.В.: Я очень благодарна **Анне Владиславовне Ламзиной** за интерес к моей работе и положительный отзыв. Отдельная благодарность за концептуальные замечания и вопросы.

1. Первое замечание Анны Владиславовны касается разграничения категорий межтекстового диалога.

Поясню свою позицию. В работе понятие **«межтекстовый диалог» используется как обобщающая исследовательская категория**, однако входящие в него явления не рассматриваются как тождественные. **Автоинтертекст** обозначает связи произведения с другими текстами того же автора; **интермедиальность** — взаимодействие литературного текста с кодами других искусств; **архитекстуальность** относится прежде всего к жанровым связям; **мезотекст** характеризует скрытый, «второй слой» интертекста, требующий реконструкции.

Согласна, что эту иерархию можно было сформулировать в диссертации более эксплицитно. Для меня существенно, однако, что перечисленные категории образуют не один классификационный ряд, а **разные аспекты единой системы смыслообразования**: источник связи, способ ее проявления и характер функционирования в тексте. Именно поэтому в работе подчеркивается необходимость их разграничения.

2. Второе замечание - о доказательности скрытых интертекстуальных связей - представляется мне принципиально важным.

В исследовании я не считаю все обнаруженные параллели одинаково доказанными. Основными критериями интертекстуальной связи являются совокупность текстуальных совпадений, возможность установить источник, подтвержденное знакомство автора с претекстом и, главное, **семантическая функция выявленной связи в новом произведении**.

Я полагаю, что если доказать генетическую связь невозможно, корректнее говорить не о заимствовании, а о **семиотической гомологии** либо об **интерпретационной гипотезе**. В самой диссертации специально разграничиваются случаи интертекстуальности и совпадения мотивно-сюжетных матриц, восходящих к общему культурному фонду. Поэтому часть скрытых связей я рассматриваю именно как вероятностные; необходимость их дальнейшей проверки также обозначена в **заключении** работы.

3. Третий вопрос уважаемого оппонента мне показался особенно интересным. Он таков: Можно ли говорить о едином «сверхтексте» Ф. Сологуба?

Полученные результаты позволяют, на мой взгляд, говорить о **тенденции к формированию единого авторского сверхтекста**, но я бы не абсолютизировала это положение. Исследование показывает устойчивую

циркуляцию мотивов, образов и идей между поэзией, публицистикой, малой прозой, романом «Тяжелые сны» и «Мелким бесом». Автоинтертекст поэтому становится одним из центральных механизмов смыслообразования романа.

«Мелкий бес» в таком пространстве можно назвать **одним из центральных узлов авторского сверхтекста**, поскольку в нем сходятся многие ранее возникшие мотивы и образы. Но утверждать, что он является абсолютным центром всего творчества Сологуба, на материале данной диссертации было бы преждевременно: для этого необходимо включить более широкий корпус, в том числе драматургию, эпистолярий, редакционные варианты и другие тексты. Именно создание расширенной карты автоинтертекста обозначено в работе как перспектива дальнейшего исследования.

4. Четвертый оппонентский вопрос таков: Насколько предложенная модель применима к другим символистам, например, к Белому, Брюсову и Мережковскому? Я особенно благодарна Анне Владиславовне за этот вопрос, намечающий перспективы дальнейшего исследования.

Предложенная модель, на мой взгляд, обладает **методологической переносимостью, но не предполагает универсальности конкретных результатов**. На материале других символистов можно использовать тот же принцип анализа: разграничивать эксплицитные и скрытые связи, автоинтертекст и внешний интертекст, учитывать интермедиальные коды, устанавливать претексты и определять функции «чужого слова».

Однако у Андрея Белого, Брюсова или Мережковского соотношение этих механизмов будет иным, поскольку оно зависит от индивидуальной поэтики каждого автора. Поэтому речь идет не об универсальной схеме символистского текста, а о **воспроизводимой методике исследования многоуровневого межтекстового диалога**. В диссертации прямо отмечается возможность перенесения предложенного подхода на другие произведения русского модернизма, но проверка этой гипотезы на конкретном материале Белого, Брюсова и Мережковского требует отдельного исследования.

Еще раз благодарю Вас, Анна Владиславовна, за Ваше время и труд.

Ларина Н.А.: Вы удовлетворены ответами, Анна Владиславовна?

Ламзина А.В.: Да, благодарю.

Ларина Н.А.: Коллеги, теперь настало время для научной дискуссии.

Кто хотел бы выступить? Олеся Равильевна, пожалуйста!

Темиршина О. Р.: Олеся Равильевна Темиршина, член совета. Мне хотелось бы отметить перспективность проведённого исследования. Работа, как это ясно из слова, самих ответов Ольги Вячеславовны Данилиной, создает основу для сопоставительного изучения межтекстового диалога в прозе

Сологуба и других представителей русского символизма. Такое расширение материала позволило бы точнее разграничить собственно авторские приёмы и общие для направления способы освоения культурной памяти. Это раз.

Второй важный момент, что мы можем разграничить факты непосредственного заимствования, это представляет особый интерес представляет дальнейшее исследование читательского восприятия: каким образом распознавание скрытых литературных отсылок меняет понимание персонажей и событий. В этом отношении диссертация открывает практические возможности для продолжения научной работы.

И третье: я бы хотела отметить продуктивность самого термина «межтекстовый диалог». Я как раз задавала вопрос об интертекстуальности и полностью удовлетворена ответом. Потому что интертекстуальность – это фиксация, ну некоего факта, а когда мы говорим о межтекстуальном диалоге, мы объясняем. То есть мы переходим от такого дискриптивного подхода к объяснительному. Поэтому я диссертацию поддерживаю.

Ларина Н.А.: Спасибо, Олеся Равильевна. Кто еще бы хотел выступить? Алена Александровна, пожалуйста!

Устиновская А.А.: Мне представляется исследование Ольги Вячеславовны крайне интересным. Я хотела бы поддержать данную работу. Особенно я хотела бы выделить теоретическую значимость ее исследования. Я ее вижу прежде всего в раскрытии смыслообразующей функции межтекстового диалога. Особенно существенным и новым мне представляется осмысление автоинтертекста: связи романа с поэзией и прозой самого Сологуба. Это позволяют глубже понять единство его художественного мира. Предложенный подход продуктивен для дальнейшего изучения поэтики русского символизма. Поэтому я еще раз хочу сказать, что поддерживаю.

Ларина Н.А.: Спасибо, Алена Александровна. Все ли желающие высказались о диссертации? Марина Анатольевна, прошу Вас. Не забывайте представлять себя.

Дубова М.А.: Дубова Марина Анатольевна, д. ф. н., профессор, член совета. Ну я не могла промолчать, потому что Федор Сологуб составляет предмет моего научного интереса уже не одно десятилетие, так же, как Ольги Ивановны. И я хочу сказать ей отдельное спасибо за такой прекрасный отзыв.

Когда я увидела формулировку темы, я подумала: ну что еще можно сказать о «Мелком бесе»? О нем уже говорили столько, и рассматривали с разных позиций, в разных плоскостях. Но Ольга Ивановна меня приятно удивила, потому что она действительно провела такой колоссальный системный труд, предложив такое целостное органичное исследование, где роман предстает

в совершенно ином свете; где он рассматривается как сложная многоуровневая структура межтекстового диалога.

И причем, я хочу согласится с мнением выступ передо мной коллег, Олеси Равильевны и Алены Александровны, что этот роман рассматривается не только в контексте творчества Сологуба, не только в рамках эпохи Серебряного века, но и гораздо шире. Ведь этот межтекстовый диалог выстраивается не только в сравнении с русской, но и с европейской литературой.

Предложенный алгоритм, даже не алгоритм, а стратегии исследования, перспективна не только в творчестве Сологуба, она перспективна как инструмент изучения творчества других писателей. Поэтому я однозначно поддерживаю эту работу, буду голосовать за нее и призываю к этому всех.

Ларина Н.А.: Спасибо Вам, Марина Анатольевна за прекрасное выступление. Все ли желающие высказались по диссертации? Все. Спасибо!

Заключительное слово предоставляется **Ольге Вячеславовне Данилиной**.

Данилина О.В.: Прежде всего я сердечно благодарю диссертационный совет, заместителя председателя – Надежду Альбертовну Ларину, учёного секретаря – Светлану Сергеевну Царегородцеву за возможность защиты и за помощь в оформлении документов.

Отдельная признательность членам диссертационного совета, проявившим интерес к моей работе, членам экспертной комиссии, рекомендовавшим к защите мою работу; Спасибо всем, задавшим вопросы и выступившим в дискуссии.

Еще раз выражаю большую благодарность официальным оппонентам Ольге Ивановне Осиповой и Анне Владиславовне Ламзиной, а также ведущей организации.

Хочу выразить отдельную благодарность моему научному руководителю Любови Геннадьевне Кихней за её помощь на всех этапах работы, за её мудрое руководство и за умение поддержать и вдохновить нужным словом.

Спасибо всем присутствующим за внимание, за интересные вопросы и выступления. Благодарю от всей души.

Ларина Н.А.: Спасибо, Ольга Вячеславовна.

В соответствии с регламентом, переходим к процедуре тайного голосования. Нам необходимо избрать состав счетной комиссии. Предлагаю следующие кандидатуры:

– доктор филологических наук, профессор Пинаев Сергей Михайлович,

– доктор филологических наук, доцент Бокарев Алексей Сергеевич,

– доктор филологических наук, профессор Дубова Марина

Анатольевна.

– Нет возражений?

– Нет.

– Нет самоотводов?

– Нет.

Если нет других предложений, прошу в открытом режиме проголосовать за предложенный состав счетной комиссии. Кто за? Против? Воздержались? Принято единогласно.

Прошу счетную комиссию приступить к работе, а членов диссертационного Совета получить бюллетени, расписаться и проголосовать. Всех не членов совета прошу покинуть аудиторию.

Объявляется перерыв для голосования и подсчета его результатов.

Все члены совета получают бюллетени, РАСПИСЫВАЮТСЯ ПОД КАМЕРУ, голосуют. Опускают их в урну для голосования и покидают помещение (в том числе Председатель и Ученый секретарь). В зале заседаний идет подсчет результатов голосования, работает счетная комиссия. ВСЕ ПОД КАМЕРУ!!

Счетная комиссия завершает работу. Все приглашаются в зал заседания.

Ларина Н.А.: Кто избран председателем счетной комиссии?

Счетная комиссия: *объявляет своего председателя Пинаева С.М..*

Ларина Н.А.: Просим Председателя счетной комиссии, Сергея Михайловича Пинаева огласить результаты голосования.

Выступление председателя счетной комиссии (проф. Пинаева С.М.).

Оглашает результаты голосования.

На заседании присутствовало 10 человек из 12 членов совета. Из них 9 докторов по специальности 5..9.1. - по профилю рассматриваемой диссертации. При проведении тайного голосования результаты следующие: : за 10, против - нет, недействительных бюллетеней - нет.

Ларина Н.А.: прошу утвердить результаты работы счетной комиссии.

– Кто за?

– Против?

– Воздержались?

Спасибо. Принято. Уважаемая Ольга Вячеславовна, от лица диссертационного совета Д 75.2.076.01 и от себя лично поздравляю Вас с присуждением ученой степени кандидата филологических наук.

Ларина Н.А.: Уважаемые коллеги, нам с Вами необходимо обсудить

проект Заключения диссертационного совета. Текст проекта роздан. Какие будут соображения и замечания по его содержанию?

Члены Совета высказывают свои соображения и замечания по тексту проекта Заключения ***(Идет обсуждение)***

Ученый секретарь и соискатель в это время делают себе пометки, фиксирующие замечания.

Ларина Н.А.: Предлагаю передать высказанные Вами замечания в виде пометок на розданных проектах ученому секретарю **и принять имеющийся текст за основу**. И я попрошу ученого секретаря с учетом Ваших замечаний посмотреть, подработать заключение и потом подписать его в установленном порядке.

- Кто за?
- Против?
- Воздержались?

Принято единогласно.

Есть ли у присутствующих замечания по ведению заседания? - Замечаний нет. Заседание диссертационного совета по вопросу защиты кандидатской диссертации **Данилиной Ольги Вячеславовны** завершено. Всем спасибо.

Председательствующий на заседании,
заместитель председателя
диссертационного совета 75.2.076.01 Ларина Н.А.

Ученый секретарь
диссертационного совета 75.2.076.01 Царегородцева С.С.

25 сентября 2026